

Мир за неделю, — 1999.
— 25 сент. — с. 11

Юлия РУТБЕРГ:

Готова сыграть швабру или ведро

Татьяна МЕДВЕДЕВА

Новая газета.

Подписной индекс 32120

Юлия Рутберг — актриса Театра Вахтангова — Алкмена в «Амфитрионе», Тайная Недоброжелательность в «Пиковой Даме», Мария Антоновна в «Хлестакове», Фрекен Жюли.

— Юля, что вы думаете о русском театре конца века?

— Вопрос о театре конца века — одновременно глубокий, страшный, сакраментальный и риторический. Все мы знаем, что начался двадцатый век бурным расцветом искусства, в том числе театральное. Станиславский, Немирович-Данченко, Мейерхольд, Таиров, Вахтангов и другие вприсынули в русский, советский, мировой театр огромное количество идей, безумных открытий. Появилась театральная школа с системой, которая, по словам Станиславского, распространялась на людей одаренных, но не на гениев.

Театр первой половины века — это авангардная драматургия Маяковского («Клоп», «Баня»), где использовалась плакатная речь. Это Булгаков и Вишневский, Эрдман и Евреинов. Это музыка Прокофьева и Шостаковича. А дальше было совершенно фантастическое поколение шестидесятников. И то, что удалось сделать Ефремову, Товстоногову, Гончарову, Плучеку, Захарову, Попову, — это тоже открытия. Они были прекрасными учениками великолепных своих учителей. Но режиссура как профессия стала фактически исчезать. И это одна из самых страшных проблем театра конца века. Режиссура — это профессия энергии. Активнейшим образом должны о себе заявлять молодые. Вот прорвался Володя Мирзоев. Прорвался Шамиров. Замечательные ребята появились в Питере.

— Ваше отношение к антрепризе и разным коммерческим формам выживания театра?

— Русский театр пытается стать на коммерческие рельсы, поддаться под бродвейский театр. Я была в Америке. О, Боже, как русский театр велик по сравнению с американским! Как мы их

обогнали и как много они у нас взяли! Так зачем же нам идти в сторону таких поделок? Конечно, не все спектакли должны быть шедеврами или быть обреченными на успех, но есть некая планка, ниже которой — грех.

Антреприза хороша, когда, например, в спектакле Бориса Мильграма «Старая дева» играют Инна Чурикова, Зинаида Шарко, Валентин Гафт и Наташа Калеканова. Да, эти люди играют за большие деньги. Но они порядочны по отношению к своей профессии, по отношению к зрителю — они играют на очень высоком уровне. Но, когда я вижу других актеров, которые просто зашибают деньги, устраивают чесалово, я не могу примириться с этим. Мне обидно!

— Сейчас актеры предпочитают стационарному «режимному» театру свободную миграцию. Кто-то вообще уходит из профессии. Вы — вахтанговка?

— Есть люди, свободные от профессии. Они могут быть актерами, а могут и не быть. Я в этом смысле человек безумно зависимый. Я ничего в жизни не люблю так, как театр, и я ничего не хочу делать так, как играть на сцене. И потом, рядом со мной мои партнеры — Максим Суханов, Володя Симонов, Сережа Маковецкий, Лена Сотникова. Это команда моего поколения. Я никогда не уйду, пока они здесь. Театр Вахтангова — мой дом. Мне здесь лучше, чем где бы то ни было. Михаил Александрович Ульянов ведет в нашем театре очень мудрую политику, благодаря которой театр избежал кровопролития. Он сделал упор на режиссуру, хотя у него и нет художественных идей, которые бы двигали театр. Он не дает труппе потерять квалификацию. И пытается находить как коммерческие, так и некоммерческие способы существования. И дай Бог ему здоровья.

— На спектакле «Пиковая дама» я почувствовала в вашем образе «чуриковость», а потом прочитала в интервью, что Инна Чурикова — ваша любимая актриса...

— Я не могу сказать, что мы очень дружим. Но мы в нежнейших отношениях с Инной Михайловной. Я, когда ее вижу, всегда нахожусь под гигантским впечатлением от этой женщины, актрисы, личности. Она — чудо!

Фото ИТАР-ТАСС

— Вашей манере играть свойственна танцевальность, балетность...

— Это не балетность, это пластичность. Потому что я балетом никогда не занималась, немножечко занималась пантомимой. Но я очень подвижный человек. И, по Михаилу Чехову, я не просто пытаюсь стать на цыпочки, но чтобы это был некий психологический жест. Тело в «Пиковой даме» живет по-своему, во «Фрекен Жюли» тоже по-своему. Например, во «Фрекен Жюли», когда я лежу на столе, у меня ноги делаются совершенно безжизненными. Это получилось случайно, а потом многие люди говорили, что именно эта сцена, такие ноги вызывают острую жалость по отношению к этому странному мальчику-девочке, к этому существу, с одной стороны — почти сумасшедшему, с другой — нежному.

— Вы мобильный человек?

— Я абсолютно мобильна благодаря Щукинскому училищу. В этом смысле «Щука» даст фору и мхатовской школе, и ГИТИСу, потому что в этих учебных заведениях студентом набирает один мастер, который и определяет их судьбу в течение всего времени. В Щукинском училище сначала набирает один мастер, а потом ты проходишь через 15—16 педагогов, что позволяет тебе найти

двух-трех людей, которые абсолютно так же, как ты, видят мир.

Я пришла в Театр Вахтангова и первое время выпускала по две премьеры в год. Я работала с Черняховским, Кацем, Виктюком, Фоменко, Мирзоевым. Эти режиссеры — антимирры, разные системы координат, в которых я чувствовала себя органично.

— Роберт Стурра — это пока режиссер-мечта?

— Да. Вот у кого бы я сыграла швабру, ведро. Его спектакли — это просто тунгусские метеориты. И я бы мечтала у него сыграть Шекспира. Сейчас было бы не стыдно себя предложить, показать. Он меня знает достаточно хорошо, но пока очень занят.

— Какое место в вашей жизни занимает семья?

— Я вижу, как нелегко ребятам, которые оторваны от родителей, не имеют такого тыла, как я. Они менее защищены. В чем-то обделены. Моя семья — это подарок, который я получила от судьбы. Я все время готова кланяться своим родителям — и за то, какие они, и за то, как они меня воспитали и как они мне помогают. И замечательно воспитывают в мое отсутствие моего сына.

Я счастлива, что в моей жизни есть Алешка Кортнев, который мне очень помогает, когда я занята съемками. Алешка настолько тро-

гательно ведет себя: сидит и учит со мной текст, хотя сам такой занятый и популярный. А в остальном — как у всех. И соримся, и миримся, и ругаемся, и расходимся, и вновь встречаемся, и не можем жить друг без друга, и не можем жить друг с другом.

— От каких «буржуазных привычек» вам пришлось отказаться после 17 августа прошлого года?

— У меня никогда не было особых «буржуазных привычек», от которых пришлось бы отказаться. Но я как курила дорогие легкие сигареты, так и курю. Как я ездила на такси, так и продолжаю ездить. Потому что очень часто я так устаю, что если не возьму машину, то потом на лекарства потрачу в три раза больше.

Одеваюсь я совсем не дорого. Вещи стараюсь покупать за границей. Но если можно назвать «буржуазной привычкой» поездки за границу, то — да. Деньги, которые зарабатываю, я трачу на то, чтобы посмотреть мир. Но привычка путешествовать — это норма жизни, когда человеку интересно узнавать другие страны, другие культуры. Норковой шубы у меня нет, машины у меня нет, дачи нет. Потому что особо обуржуазиться до кризиса не получилось, а уж после — тем более.

— В каких новых проектах вы вас увидите в ближайшее время?

— В прошлом году у меня вышла «Фрекен», которой мне вполне хватает, чтобы пожить с ней еще год. Кроме этого есть другие достаточно разные спектакли. У меня уже прошел тот период, когда количество выходов на сцену переходит в качество игры. Мне можно реже выходить, но ставить перед собой более сложные задачи.

В кино я снимаюсь в трех сериалах — в сериале о Каменской, в «Директории смерти» (это такой сюрреалистичный сериал) и в «Московских окнах» Аравина. Есть еще три предложения. Но их пока раскрывать не буду.

Есть предложения поучаствовать в антрепризах. Пока думаю, куда не спешу. Я рада, что есть работа. И еще очень надеюсь, что не в этом сезоне, так в следующем сыграю со своими любимыми партнерами! С этими людьми можно телефонную книгу поставить. Счастье, что у нас в театре такая фантастическая коллекция артистов.